

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2(63). С. 36–44
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2024;(2(63)):36–44

Научная статья

УДК 94(470)

doi: 10.47598/2078-9025-2024-2-63-36-44

ПРОФСОЮЗЫ: ОТ НАСИЛЬСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА К МИРНЫМ АКЦИЯМ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновоя²✉

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6577-9479>

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. В статье рассматривается эволюция деятельности профессиональных союзов, проявляющаяся в их стремлении придать протестному движению не стихийный и часто разрушительный характер, а увидеть в выражении требований трудящихся мирный и созидательный смысл, сформировать не только у своих членов, но и в обществе своеобразную культуру социального протеста. Этим объясняется понимание властями необходимости легализации деятельности профессиональных союзов. Также показано, что помощь в формировании такой культуры социального протеста профсоюзам оказывают авторитетные международные организации, в частности, МОТ и ООН, а сама деятельность профсоюзов опирается на права трудящихся, закрепленные в Международном билле о правах человека.

Ключевые слова: профсоюзы, социальный протест, трудовой конфликт, забастовка, права человека

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновоя Л. О. Профсоюзы: от насильственного социального протеста к мирным акциям // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2 (63). С. 36–44. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-36-44>.

Research article

TRADE UNIONS: FROM VIOLENT SOCIAL PROTEST TO PEACEFUL ACTIONS

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Ludmila O. Ternovaya²✉

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6577-9479>

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. The article discusses the evolution of the activity of trade unions, which is manifested in their desire to give the protest movement not a spontaneous and often destructive character, but to see a peaceful and creative meaning in the expression of the demands of workers, to form not only among their members, but also in society a kind of culture of social protest. This explains the understanding by the authorities of the need to legalize the activities of trade unions. It is also shown that trade unions are assisted in the formation of such a culture of social protest by authoritative international organizations, in particular, the ILO and the UN, and the very activity of trade unions is based on the rights of workers enshrined in the International Bill of Human Rights.

Keywords: trade unions, social protest, labor conflict, strike, human rights

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Trade unions: from violent social protest to peaceful actions. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2024;(2(63)):36–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-36-44>.

Исторический путь человечества многие мудрые люди стремились сравнить с дорогой, на которой встречаются самые разные препятствия. Движение вперед всегда означало стремление людей к преодолению самых разных сложностей, как индивидуального, так и коллективного порядков. Редко, когда сопротивление обстоятельствам проходило незамеченным, а не облекалось в одну из разновидностей социального протеста, под которым понимается острая реакция на общественную ситуацию, выходящую за рамки привычного порядка вещей.

Часто протест выражается в резком и яростном отрицании принимаемых властями или собственниками предприятий действий. Историческая память сохраняет протестные акции с применением насилия: бунты, восстания, революции, проявления террора. Но это не означает, что протест не может быть направлен и в поддержку определенных мер по урегулированию обстановки. Напротив, социальная практика изобилует самыми разными формами мирных ненасильственных протестов. К ним относятся как апробированные временем действия (бойкоты, голодовки, забастовки, митинги, акции молчания, перекрытия дорог, пикетирование, подачи петиций, саботаж), так и относительно новые формы (протестное голосование, «спящий дракон», филибастер, флешмобы).

Отправной точкой забастовок сейчас считается протест строителей храмового комплекса в Древнем Египте при фараоне Рамзесе II. Но то обстоятельство, что эти действия ведут свое наименование от итальянского слова «*basta*», означающего «хватит, довольно», отразило достаточно близкое к современному пониманию причин трудового конфликта столкновение интересов наемных работников и капитала. Именно оно вылилось в первую в Европе стихийную забастовку чесальщиков шерсти под руководством Чучо Брандини во Флоренции в 1345 году.

Несмотря на полученный опыт объединений усилий протестующих наемных работников, само их сознание не позволяло абстрагироваться от конкретных орудий труда, мануфактуры или отдельного собственника, на которых и направлялся их гнев. Так было, ког-

да в начале XIX столетия рабочие Англии стали ломать машины. Это же понимание истоков социального гнета присутствовало у ткачей, работавших на шелкопрядных фабриках в Лионе, в 1831–1834 годах поднявших восстание. Такие же представления были у участников восстания силезских ткачей (1844). Не отличались они и у текстильщиц Нью-Йорка, марширующих по улицам Манхэттена 8 марта 1857 г. Основными требованиями их протеста было повышение зарплаток и улучшение условий труда. Современные исследователи, в отличие от своих предшественников, которые в «Марше пустых кастрюль» видели сознательное выступление пролетариата, отмечают стихийный характер данной акции [1, с. 67–80]. И хотя в 1880-х годах наблюдается активизация движения американских рабочих за улучшение условий труда и введение 8-часового рабочего дня, его пик в виде массового выступления 350 тыс. трудящихся в Чикаго 1 мая 1886 г. также был во многом спонтанным всплеском протеста.

Организованность такому движению могли придать только созданные на основе профессиональной солидарности структуры, примером которых являлось образованное еще в 1792 году объединение прядильщиков английского города Ланкастер. Именно из-за страха перед организованными действиями трудящихся в 1799 году британским парламентом был принят закон о запрете деятельности профсоюзов, далее преобразовавшийся в Combination Acts, которым запрещались всякие объединения рабочих и их выступления с любыми протестами, а лидерам таких структур угрожали уголовным преследованием [2].

Отсутствие организующего начала всегда и во всех сферах деятельности сопряжено с повышенным риском стихийного хода развития событий, когда сознанием участвующих в них могут овладевать простые и доступные идеи, путь реализации которых также прост и доступен, ибо чаще всего желаемого следует добиваться силой. Поэтому запреты на деятельность профессиональных союзов логически вели к эскалации трудового конфликта и перерастания его в горячую фазу социального противостояния. К этому же вело и замещение профсоюзов сугубо политическими струк-

турами. В молодой Советской России вскоре после Октябрьской революции 1917 года, в самом начале следующего 1918 года, был созван I Всероссийский съезд профессиональных союзов, активность которых, во-первых, была расширена за пределы собственно тех задач, что связаны с обеспечением достойных условий труда, поскольку усилия профсоюзов были направлены и на борьбу с неграмотностью, и на обеспечение населения продовольствием и топливом; а, во-вторых, профсоюз очень скоро стал рассматриваться как приводной ремень от партии к массам [3].

Искажение сути и смысла профсоюзной деятельности в первые годы Советской власти вызвало у теоретиков социалистического развития и сторонников идей мировой революции недоумение, почему в новом государстве рабочих и крестьян не затихли социальные возмущения, которые проявлялись вплоть до начала 1930-х годов в форме забастовок. Их наличие не могли утаить ни в прессе, ни в своих работах марксистско-ленинские теоретики. Приведем лишь несколько примеров такой реакции. Так, Мате Залка, венгерский писатель, участник Гражданской войны 1918–1920 годов в России и герой национально-революционной войны в Испании в 1936–1937 годах, в одном из писем из Солнечногорска в 1932 году писал, что только там за год было пять или шесть забастовок. Мартемьян Рютин, один из немногих советских политических и партийных деятелей, пытавшихся возражать Иосифу Сталину и исключенный президиумом Центральной контрольной комиссии ВКП(б) из партии, в письме «Ко всем членам ВКП(б)» подчеркивал, что «забастовки рабочих, несмотря на свирепый террор, аресты, увольнения и провокации, вспыхивают то здесь, то там» [4, с. 303]. Мнение Рютина разделяли многие другие советские руководители, которые видели, что бастующие рабочие осознавали связь своих экономических интересов с социальными реформами. Для снижения накала протеста администрациям предприятий надо было учиться оперативно и конструктивно находить пути выхода из социальных конфликтов. В отсутствии этого умения сложно было обвинять не имевших опыта и знаний молодых управленцев производством. Но если бы

на предприятиях действовали не номинальные, а реальные профессиональные союзы, то они могли бы не просто служить инструментом сдержек протеста рабочих, но и способствовать поиску согласования интересов трудящихся и потребностей плановой экономики, перестраивающейся под задачи социалистической индустриализации.

Именно такую роль пытались играть те профсоюзы, деятельность которых на Западе постепенно становилась не просто законной, а еще и заметной частью политики по формированию культуры социального протеста. Исключительно показательным в данном плане представляется деятельность организаторов Виннипегской всеобщей забастовки, проходившей в мае — июне 1919 г. в Канаде. Сначала в забастовке участвовали металлисты и строители. Через две недели после начавшихся акций протеста забастовка переросла во всеобщую стачку, в которой приняли участие уже более 20 тыс. чел. разных специальностей. Одним из главных требований ее участников было признание прав профсоюзов. Также выражалось недовольство низким уровнем заработной платы. Стачным комитетом забастовки при поддержке редакции газеты *Western Labor News* ежедневно выпускался «Стачный бюллетень», в котором помимо информации о ходе протестных акций содержались рекомендации бастующим. Например, в одном из выпусков этого издания можно было найти такие советы: «Единственное, что рабочие должны сделать, чтобы выиграть эту стачку — ничего не делать. Просто ешьте, спите, развлекайтесь, любите, смейтесь и смотрите на солнце... — в этом и состоит ваша борьба» [5, с. 49]. Достижением протестующих было то, что фактически в течение месяца власть в городе принадлежала стачечному комитету, а государственные власти смогли подавить протест лишь силой. 21 июня они направили на забастовщиков отряды конной полиции. Это стало причиной того, что этот день вошел в историю рабочего движения как «Кровавая суббота» (англ. *Bloody Saturday*).

О том, что в организованном благодаря деятельности профсоюзов протестном движении присутствует элемент психологической поддержки протестующих, говорит и инструкция Генсовета британских тред-юнионов о пове-

дении во время Всеобщей забастовки (англ. *General Strike*) 1926 года. Забастовке предшествовал длительный период социального напряжения, закончившийся объявлением британскими владельцами шахт локаута 1 мая 1926 г. Несмотря на разногласия в руководстве, Генсовет тред-юнионов принял решение об объявлении забастовки, однако начал переговоры с правительственной комиссией, а также выпустил инструкции с призывами к сохранению спокойствия.

В условиях остановки работы рекомендации профсоюзного центра, опубликованные в первом номере издававшейся в то время газеты *British worker*, послужили своеобразным напутствием по поведению в новых условиях. Несмотря на то, что некоторые из тех советов могут показаться очень неожиданными, они имели глубокий смысл и отвечали цели оказания психологической поддержки людям, которые были выбиты из привычного рабочего ритма и могли не только придаться унынию, но и выпустить накопившееся раздражение и дать своему гневу перерасти в открытый физический протест. Итак, в этих рекомендациях говорилось следующее:

«Постарайтесь действовать так, чтобы все окружающие вас имели улыбку на лице. Для достижения этой цели вам самим надлежит улыбаться.

Делайте все возможное, чтобы не дать ходу идеям насилия и беспорядкам.

Занимайтесь всякой работой на дому.

Постарайтесь забавлять и развлекать деток теперь, когда в вашем распоряжении имеется для этого время.

Следите за своим здоровьем: ежедневная прогулка — моцион сохранит вам свежесть сил.

Не сидите, сложа руки, занимайтесь чем-нибудь.

Болтать на улицах, обмениваться слухами, никуда не годится» [6, с. 56].

Отметим, что многие из этих советов перекликаются с теми, что были даны участникам Виннипегской стачки. Хорошо известно, что Всеобщая забастовка 1926 года оставила ярчайший след в истории социальной борьбы, хотя и закончилась поражением рабочих [7]. Неудивительно, что специалисты наиболее часто приводят этот социальный протест в качестве при-

мера одной из попыток добиться улучшения положения трудящихся именно путем солидарных действий, в которые были вовлечены шахтеры, железнодорожники и металлурги Англии. Эффект заключался и в солидарных действиях, и в концентрации сознания бастующих на такой стороне бытия, на которую часто в напряженных трудовых буднях не обращается внимание, но она составляет ценность и частной жизни, и повседневного человеческого общения.

Вскоре после Всеобщей забастовки, в июле 1927 г., британском парламентом был принят Закон о трудовых конфликтах и профессиональных союзах (англ. *Trade Disputes and Trade Unions Act*), который существенно ограничил права профсоюзов и забастовщиков. Затем на Эдинбургском конгрессе тред-юнионов в том же 1927 году было официально положено начало политике «мира в промышленности» (англ. *peace in industry*), то есть сотрудничества профсоюзов с предпринимателями. Такая политика, девизом которой было выражение «Никаких забастовок и никаких разрушений профсоюзов» (англ. *"No Strikes and No Union-Busting"*) окажется свойственной и ряду других национальных отрядов профсоюзного движения. Всеобщая забастовка осталась не только в социальной памяти трудящихся и предпринимателей, но и в мировой художественной литературе. О ней, в частности, писали Герберт Уэллс не в фантастическом, а реалистической романе «В ожидании» (англ. *Meanwhile*, 1927) и Джон Голсуорси в «Лебединой песне» (англ. *Swan Song*, 1928), являющейся заключительной частью «Саги о Форсайтах» (англ. *The Forsyte Saga*).

В середине 1930-х годов ситуация в профсоюзном движении во многом изменилась из-за необходимости и государству, и предпринимателям, и трудящимся искать выход из тяжелейшего экономического кризиса, приобретшего общемировой характер. Кризис затронул все сферы жизни. Сказался он и на ухудшении условий труда, в частности, наблюдалось удлинение рабочего времени, что вызывало протесты. Во Франции в 1936 году трудящимся удалось добиться установления 40-часовой рабочей недели, для чего потребовалось организовать Всеобщую забастовку. Более того, между организацией работодателей Генеральной

Конфедерации французского производства (CGPF), профсоюзом Всеобщая конфедерация труда (фр. *Confédération Generale du Travail*) и государством были подписаны Матиньонские соглашения (фр. *Accordes de Matignon*), согласно которым были устранены препятствия на пути создания профсоюзов.

Аналогичные процессы легализации профсоюзной деятельности происходили и в Соединенных Штатах Америки. Существенные подвижки в этом направлении были сделаны в рамках политики «Нового курса» (англ. *New Deal*) президента Франклина Д. Рузвельта. Сенатором Робертом Ф. Вагнером был разработан законопроект, гарантирующий наемным работникам частного сектора право объединения в профессиональные союзы, участия в коллективных переговорах и права на забастовки. Принятый Конгрессом США и подписанный президентом Национальный Закон о трудовых отношениях (англ. *National Labor Relations Act of 1935*), также известный как Закон Вагнера, явился основополагающим актом в трудовом законодательстве американского государства.

Опыт как западноевропейского, так и североамериканского забастовочного движения, одним из требований которых было образование профессиональных союзов трудящихся, демонстрирует понимание достаточно организованным рабочим классом, обладающим длительными традициями забастовочной борьбы, необходимости придания их протестной активности институционального характера. Однако был еще и социально-психологический смысл таких действий, что расширяло видение того, что Рузвельт назвал «свободой от страха». Если президентом США эта свобода мыслилась как отсутствие угрозы военной агрессии, то в рабочем движении, начиная с вышеупомянутой Виннипегской стачки, свобода от страха представлялась как уверенность в своей правоте и отсутствие боязни выступить с требованиями улучшения труда и повышения заработной платы.

Безусловно, выбор формы проявления социального протеста зависит множества самых разнообразных факторов, включая личный, национальный, экономический, психологический, конфессиональный и другие. Их со-

вокупность определяет характер развертывания протестных действий в реальной ситуации. Однако при всей важности отдельных обстоятельств нельзя не замечать наличия общемировых закономерностей развертывания социального протеста. Именно на них обращает внимание Международная организация труда (МОТ, англ. *International Labour Organization, ILO*), которая играет особую роль в защите прав трудящихся. МОТ была создана в качестве структурного подразделения первой универсальной международной организации — Лиги Наций (англ. *League of Nations*, фр. *Société des Nations*, исп. *Sociedad de las Naciones*) — в 1919 году на основании мирных соглашений, завершивших Первую мировую войну [8]. Устав МОТ был разработан Комиссией по труду Парижской мирной конференции и явился частью XIII Версальского договора.

Заметный вклад в разработку концепции этой структуры внесла западная социал-демократия, которая стояла на позициях ненасильственного протеста, а также ищущая пути выхода из того тяжелого положения, в котором находились трудящиеся, вынужденные работать в неприемлемых условиях и подвергавшиеся жестокой эксплуатации, при почти полном отсутствии каких-либо механизмов социальной защиты. После окончания Первой мировой войны в большинстве западных государств наблюдалось существенное отставание социального развития от экономического. Это сказывалось не только на материальном состоянии трудящихся, но и на социально-нравственном климате. Наиболее резко этот разрыв обозначился в период мирового экономического кризиса 1929–1933 годов. Меры по выходу из кризиса, предлагаемые властями, непосредственно затрагивали права трудящихся, что требовало совершенствования трудового законодательства.

МОТ признает забастовки в качестве действенного метода борьбы, применяемого в целях разрешения трудовых конфликтов. При этом, согласно Рекомендации № 92 «О добровольном примирении и арбитраже» (1951), трудящимся следует воздерживаться от забастовок и локаутов во время переговоров и рассмотрения вопроса арбитражным органом. Но особо подчеркивается, что положения

этой Рекомендации «не могут истолковываться как ограничение» забастовки [9]. В Конвенции МОТ № 87 от 1948 г. «О свободе ассоциаций и защите права на организацию» определяются права рабочих организаций в случае забастовок. Сразу же после окончания Второй мировой войны в МОТ были убеждены, что подъем забастовочного движения напрямую зависит от развитости профсоюзов и рабочих партий, а также того места, которое они занимают в политической системе своего государства [10]. В принятой в 1952 году Рекомендации МОТ № 94 «О консультациях и сотрудничестве между предпринимателями и трудящимися на уровне предприятия» подчеркивается то, что государство, следуя принципу «трипартизма», не должно стоять в стороне от урегулирования взаимодействия собственников предприятий и работающего на них персонала, а обязано оказывать содействие путем организации консультаций и других контактов в целях решения вопросов, которые, во-первых, представляют взаимный интерес для этих сторон, а, во-вторых, не охватываются процедурой коллективных переговоров или какой-либо другой процедурой, обычно применяемой при определении условий найма. Для продвижения такого сотрудничества МОТ рекомендует добиваться издания специальных законодательных актов, которые бы учреждали органы, имеющие компетенцию в данной сфере, или стремиться к заключению коллективных договоров и соглашений.

Рекомендацией МОТ № 129, выпущенной в 1967 году и отменившей положения Рекомендации 1952 года о сотрудничестве на уровне предприятия, предлагалось формировать на предприятиях систему коммуникаций (социальных связей) между администрацией и работниками. Такая система должна была содействовать формированию атмосферы взаимопонимания и доверия, что благотворно сказывается на деятельности предприятия и направлено на удовлетворение чаяний и потребностей трудящихся.

МОТ возлагает на себя право контроля выполнения своих рекомендаций. Например, в случаях нарушений тех положений МОТ, которые были ратифицированы государствами, МОТ имеет право требовать от их прави-

тельств объяснений. Документы МОТ согласуются с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (англ. *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, ICESCR*), который 16 декабря 1966 г. был принят Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН, англ. *United Nations*). Однако некоторые государства, например, Соединенные Штаты Америки это пакт не ратифицировали. Также есть страны, которые ратифицировали данный документ с оговорками, касающимися ограничения прав на забастовку. ООН и МОТ способствовали утверждению международно-правовой формулы справедливых и благоприятных условий труда [11].

Во второй половине прошлого столетия протест трудящихся превратился в знаковое явление международной жизни, характеризующее не только рынок труда, но и формируемую картину мира. Понимание этого потребовало серьезного изучения и реагирования со стороны структур, входящих в ООН. Изначально в п. 1 ст. 1 и ст. 55 Устава этой универсальной организации обосновывалась необходимость ее участия в международном регулировании труда. Также в этом основополагающем документе были сформулированы задачи международного сотрудничества, направленного на решение социальных проблем, обеспечение уважения к правам человека и основным свободам. Четкая формулировка таких прав и свобод человека появилась в 1948 году в принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 217 А (III) Всеобщей декларации прав человека (англ. *Universal Declaration of Human Rights*). В число этих прав и свобод входят и такие важнейшие трудовые права, как: право на труд, свободный выбор работы, защиту от безработицы. Однако этот минимальный набор прав дополняется теми правами, которые закрепляют справедливые и благоприятные условия труда. Среди них есть как право на равную оплату за равный труд без какой-либо дискриминации, так и право на удовлетворительное вознаграждение, которое способно обеспечить достойное существование человека и его семьи. Отдельно выделяется право на создание профсоюзов и вступление в них работников. Также не за-

было право на отдых, включающее право на разумное ограничение рабочего дня и оплачиваемый периодический отпуск, что должно способствовать не только физическому восстановлению, но и саморазвитию человека. Вместе с тем Всеобщая декларация прав человека относится к так называемому «мягкому праву». Она не имеет обязательного для государств характера, а носит лишь рекомендательный характер. Поэтому важнейшими документами в рамках ООН, носящими императивный характер, для государств, ратифицировавших их, стали международные пакты о правах человека, включающие помимо вышеупомянутого Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах Международный пакт о гражданских и политических правах (*International Covenant on Civil and Political Rights*, 1966).

Нельзя забывать и еще об одном факторе, влияющем на усиление мирного вектора социального протеста на Западе — конфессиональном, связанным с позицией Католической церкви, сохраняющей свои позиции в формировании западной трудовой культуры и этики. Для подтверждения такой роли следует привести пример первой «социальной энциклики» Папы Римского Иоанна Павла II *Laborem Exercens*, появившейся еще 4 сентября 1981 г. В ней провозглашалась законность забастовок как меры социального протеста при условии их недопущения в общественно значимых службах, например, здравоохранении [12].

В последней трети XX столетия наблюдалась трансформация отношений между предпринимателями, профсоюзами и наемными работниками. Это было результатом изменений характера производства, расширения области автоматизации, роста образованности и квалификации рабочего класса, формирования его новых ценностей и представлений о качестве жизни, а также вследствие совершенствования социальной политики значительного числа государств. Изменилось и само восприятие забастовки в массовом сознании. Эта форма социального протеста перестала оцениваться как его апофеоз. Такая переоценка произошла на основе понимания слабой эффективности забастовочных акций по сравнению с политическими действиями,

отличающимися комплексным и долговременным характером. В результате переосмысления ценности забастовочной борьбы эта активность стала частью так называемой «триады» профсоюзных прав. Помимо права на коллективные действия, которые и включали забастовку, в данную триаду входят право на свободное профсоюзное объединение, а также право работников на участие в регулировании трудовых и шире — социально-экономических отношений, используя, в частности, механизм социального партнерства. Особую роль в таких переменах играли профсоюзы, которые настойчиво продвигали внедрение новых требований к организации и управлению производством, позволяющих существенно повысить производительность труда. Выступали профсоюзные организации и за применение новых форм стимулирования труда, в частности, «участия в управлении».

Современные профсоюзы менее, чем такие организации прошлого, замкнуты в рамках той группы трудящихся, которую они непосредственно представляют, и чаще поднимают общие социальные проблемы. Один из новейших примеров этой политики проявился в поддержке солидарности лицеистов, обучающихся в лицее «Жолио Кюри» из парижского пригорода Нантер, с уволенным учителем математики Каем Тереда, который был одним из руководителей левого профсоюза SUD Education 92. О солидарности с протестующими заявили ведущие профсоюзы, в том числе: крупнейшее во Франции профсоюзное объединение Всеобщая конфедерация труда (ВКТ, фр. *Confédération générale du travail, CGT*), Всеобщая конфедерация труда — Рабочая сила (фр. *Confédération Générale du Travail — Force Ouvrière, или Force Ouvrière, FO*), депутаты парламента от левой партии «Непокоренная Франция» (фр. *La France insoumise*) и др. [13]. Эти действия современных профсоюзов резко контрастируют с реакцией их предшественников на знаменитые студенческие протесты в Париже в мае 1968 г., когда опытные и разбирающиеся в правилах социального протеста лидеры профсоюзов не оказали помощи молодым бунтарям, дав властям силой разогнать их протесты.

Еще большей, чем в поддержке студенческого протеста, оказалась роль француз-

ских профсоюзов в помощи французским фермерам в организации серии протестов и перекрытий дорог, начиная с 18 января 2024 г. Именно сельскохозяйственные профсоюзы (фр. *Fédération nationale des syndicats d'exploitants agricoles, FNSEA*) стали настоящими организаторами выступлений сельхозпроизводителей Франции против беспощадного импорта сельскохозяйственной продукции из Украины, необоснованных «экологических амбиций» руководства Европейского союза, сложных административных процессов и жест-

кой бюрократии, препятствующей получению кредитов и субсидий.

В целом, мы видим, что становление профессиональных союзов оказало принципиальное влияние на характер социального протеста, способствовало его развитию от насильственного варианта отстаивания требований трудящихся к мирным акциям, в которых не только поднимаются проблемы улучшения условий труда, но и звучат призывы к более справедливому общественному порядку и эффективному управлению государством.

Список источников

1. Kandel L., Picq F. Le Mythe des origines à propos de la journée internationale des femmes // La Revue d'en face. 1982. № 12. P. 67–80.
2. Симагин А. В. Доступно о профсоюзах. Москва : Свет, 2020. 112 с.
3. Брагин Д. Я. Профсоюзы — приводной ремень от партии к массам : проспект лекций. Москва : Труд и книга, 1928. 19 с.
4. 50/50. Опыт словаря нового мышления / ред.-сост. Г. Козлова ; под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. Москва : Прогресс; Париж : Пайо, 1989. 557 с.
6. Документы и речи английских вождей о всеобщей забастовке / сост. И. Левин, Л. Зубок. Москва : Профинтерн, 1926. 138 с.
7. Радек К. Б. Всеобщая забастовка и социальный кризис в Англии. М. : ARCHIVE PUBLICA, 2022. 78 с.
8. Использование международных механизмов для защиты трудовых и профсоюзных прав / под ред. Е. С. Герасимовой, О. С. Крыловой. Москва : Центр социально-трудовых прав; СПб. : ЛЕМА, 2012. 148 с.
9. Рекомендация Международной Организации Труда № 92. Рекомендация о добровольном примирении и арбитраже // CONVENTIONS : официальный сайт. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=541.
10. Конвенция Международной Организации Труда № 87 о свободе ассоциации и защите права на организацию (Сан-Франциско, 9 июля 1948 г.) // ГАРАНТ.РУ : сайт. URL: <http://base.garant.ru/2540592>.
11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // ООН : официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.
12. Ioannes Paulus PP. II. Laborem exercens // The holy see : официальный сайт. URL: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_14091981_laborem-exercens_en.html.
13. Прокофьев В. Под Парижем полицейские избили старшеклассников, вышедших на демонстрацию в поддержку отстраненного от работы учителя // Российская газета. 2022. 13 октября.

References

1. Kandel L., Picq F. Le Mythe des origines à propos de la journée internationale des femmes // La Revue d'en face. 1982. No. 12. P. 67–80. (In Franch).
2. Simagin A. V. Available about trade unions. Moscow: Svet; 2020. 112 p. (In Russ.).
3. Bragin D. Ya. Trade unions — the transmission belt from the party to the masses: prospectus of lectures. Moscow: Work and Book, 1928. 19 p. (In Russ.).
4. 50/50. Experience of the Dictionary of New Thinking / ed.-ed. G. Kozlova; under general ed. Y. Afanasyeva, M. Ferro. Moscow: Progress; Paris: Payot; 1989. 557 p. (In Russ.).
6. Documents and speeches of English leaders on the general strike / comp. I. Levin, L. Zubok. Moscow: Profintern; 1926. 138 p. (In Russ.).
7. Radek K.B. General strike and social crisis in England. Moscow: ARCHIVE PUBLICA; 2022. 78 p. (In Russ.).
8. The use of international mechanisms to protect labor and trade union rights / ed. E. S. Gerasimova, O. S. Krylova. Moscow: Center for Social and Labor Rights; St. Petersburg: LEMA; 2012. 148 p. (In Russ.).
9. Recommendation of the International Labor Organization No. 92. Recommendation on voluntary conciliation and arbitration. CONVENTIONS: official site. (In Russ.). Available from: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=541.

10. Convention of the International Labor Organization No. 87 on freedom of association and protection of the right to organize (San Francisco, July 9, 1948). GARANT.RU: site. (In Russ.). Available from: <http://base.garant.ru/2540592>.

11. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted by resolution 2200 A (XXI) of the General Assembly of December 16, 1966. UN: official site. (In Russ.). Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

12. Ioannes Paulus PP. II. Laborem exercens. The holy see: official site. Available from: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_14091981_laborem-exercens_en.html.

13. Prokofiev V. Near Paris, police beat up high school students who demonstrated in support of a teacher suspended from work. *Russian newspaper = Rossiyskaya Gazeta*. 2022. October 13.

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about the authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 24.06.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 24.06.2024.